

Т.Д. Соловей. Рец. на: *Головнев А.В. Феномен колонизации*. Екатеринбург: УрОРАН, 2015. 592 с.

Монография историка и антрополога А.В. Головнева написана в жанре исторической социологии или “историологии” (термин историка А.И. Фурсова). Жанр этот не жалуют в российском гуманитарном сообществе, полагая его уделом паранаучных штудий или публицистики. Манеру писать “крупно о крупном” нельзя свести к культурной и интеллектуальной моде. Обаяние интеллектуальных продуктов, живописующих века и континенты сочными импрессионистскими мазками, состоит в том, что они будоражат фантазию и раскрепощают ум. Происходит расширение историографической рамки и переосмысление эмпирического материала, взрывающие профессиональные аксиомы и очевидные истины.

Оборотная сторона подобного стиля — своеобразная “заточенность” исследовательского взгляда на поиск разного рода универсалий, будь то обнаружение циклической закономерности истории или расшифровка “цивилизационного кода”. Хотя XX в. стал эпохой отрицания исторических закономерностей и временем утраты прогрессистского пафоса, идея создания универсальной объяснительной модели если не всемирной, то национальной (региональной) истории, которую питает амбиция прогноза, предвидения будущего, сохраняет свое обаяние.

Монография Головнева, а также совокупность опубликованных им трудов составляют огромный нарратив, который характеризуется широким хронологическим и географическим охватом, разнообразием и глубиной поставленных проблем, интеллектуальной дерзостью, терминологической новизной — причем эти тексты находятся в рамках науки.

Ученый не прокламирует обнаружение “железных” законов истории, но лишь пытается уловить исток и логику колонизации как “изначального и всеобщего свойства живой материи”. Однако эта логика концептуализируется в форме смены циклов (“эффект реконкисты”, “колонизация вспять”, “рокировка ролей колонии и метрополии”).

Охватить интеллектуально насыщенную монографию рамками рецензии практически невозможно. Поэтому предметом анализа станут некоторые сюжеты, вызвавшие наибольший интерес и эмоциональный отклик.

Один из них — авторская интерпретация феномена Великих географических открытий. На роль своеобразного метанарратива, объясняющего мотивы и логику европейской трансконтинентальной экспансии, выдвигаются идея “империи” и концепт “эстафеты колонизации”. Феномен колонизации описывается как смена ролей, зависевшая “от успехов элит, преобразовывавших колонию в метрополию” (с. 117). Для ученого “имперскость” — понятие метафизическое — “не вирус, а органическое свойство, которое не исчезает, а лишь преобразуется. Очередная империя рождается в лоне предыдущей или в противоборстве с ней. Громя предшественницу, новая империя наследует имперскость” (с. 118). В этой логике колониальные завоевания Португалии и Испании представляют собой “реванши и реконкисты”, легитимизируемые “мотивом священной освободительной войны” (с. 120).

Татьяна Дмитриевна Соловей | <https://orcid.org/0000-0002-7453-297X> | tsolovei19@yandex.ru | д.и.н., профессор кафедры этнологии исторического факультета | МГУ им. М.В. Ломоносова (Ленинские Горы 1, Москва, 119991, Россия)

Для обкатки идеи “эстафеты колонизации” используется опыт Лузитании (Португалии) — первой трансконтинентальной империи. Однако предлагаемая циклическая последовательность “конкиста — реконкиста — конкиста” едва ли имеет серьезное фактологическое подтверждение. Португальская реконкиста завершилась в 1250 г., когда от мавров была освобождена область Алгарви, установлены современные границы Португалии; национальное единство Португалии с этого времени воспринималось как данность. Но лишь в 1415 г. была взята Сеута, а в 1416 г. португальские корабли двинулись на покорение африканской Атлантики. Разрыв в полтора столетия между завершением реконкисты и началом движения в Океан как минимум требует объяснения.

Географические открытия Португалии нельзя напрямую вывести из арабского завоевания, представив их как реванш или “отвоевание”. Во-первых, с самого начала оккупация Иберийского п-ва халифатом представляла собой не тотальную войну, а “дипломатию союзов”, и отношения мавров с португальцами “балансируют на грани конфликтов и контактов” (с. 120). Только с конца XI в., после вторжения в Иберию берберов (визуальных чужаков, демонстрировавших другую завоевательную стратегию), реконкиста приобрела оттенок освободительной войны. Во-вторых, после освобождения Португалии на первый план выдвинулись другие проблемы (идея реванша оказалась в их тени). Основную угрозу для португальцев на протяжении XIII—XV вв. представляла более сильная в военном и экономическом отношении соседняя Кастилия, а не отступившие арабы.

Разворачивающаяся с середины XV в. колониальная экспансия Португалии ретрансформировала мотив “священной войны” (а первые военно-морские успехи реактуализовали идею реванша) и оформила мессианские претензии правителей на осуществление проектов “по Божьему велению”. Экспансия отформатировала “образ врага” — мавра-мусульманина, но интенсивность этому образу придавало не столько воспоминание о многовековой борьбе за освобождение Пиреней, сколько соперничество с арабскими мореплавателями и купцами в Южных морях здесь и сейчас. В свою очередь, военно-морская конкуренция с арабами в Южных морях стала следствием португальской экспансии. Не было бы экспансии — не было бы и почвы для конкуренции.

Представить концепт “эстафеты колонизации” лейтмотивом или логическим стержнем Великих географических открытий без множества оговорок и допущений не удастся. Из текста книги объективно вытекает, что взлет Лузитании — это не столько проявление циклической закономерности, сколько результат уникальной констелляции структурных и переменных факторов. А звеном, связавшим эти факторы “в направленное действие”, выступил “проект дона Энрике”, “морская академия” которого стала “лабораторией, где была синтезирована идея морской империи и выработана технология ее реализации” (с. 122, 124).

Хотя отечественная история составляет лишь часть размышлений Головнева, но, вероятно, часть центральную, судя по мощной энергетике изложения. Поиск силовых линий отечественной истории, постижение ее смысла и специфики интригуют многие поколения исследователей. Время от времени происходит пересмотр привычных схем и интерпретаций. Как правило, речь идет о создании локальных теорий, направленных на осмысление отдельных аспектов национальной истории, в данном случае — территориальной экспансии периода “становления Руси и расширения России”.

Головнев прокламирует антропологический подход к анализу феномена колонизации, однако контуры этого подхода намечены расплывчато. Рассуждая о “природных основаниях” колонизации, используя данные биологии и обнаруживая антро-

пологические параллели биологических явлений сукцессии, симбиоза, адаптации, ученый вместе с тем утверждает представление о народах как социокультурных общностях: “В антропологии речь идет не о биологических, а о социально-культурных видах, среди которых наиболее различимы общности, называемые народами” (с. 15). Здесь присутствует логическое противоречие. Если исследователь исходит из понимания этноса/этничности как сущностно-социального явления, то использование таких параллелей представляется неоправданным, если только биологическая терминология не используется метафорически.

В монографии продвигается концепт, выходящий за рамки нормативных представлений. Автор исходит из того, что “научный подход” к пониманию изначального импульса и природы территориальной экспансии с его гипертрофированием экологии и экономики — есть не что иное, как “выворачивание реалий наизнанку” (с. 83). Учет этих факторов полезен, но “не достаточен для понимания феномена мобильности” (с. 82).

Что же это за “ситуативные толчки, породившие мотив, а затем технологию и традицию колонизации” (с. 9), если не природа, климат, география, тип социальной организации и особенности культуры? В гипотезе Головнева колонизационные стратегии — элемент и производное деятельностных схем (“сценариев”, “репертуаров”, “профилей деятельности”) ведущих акторов средневековой Руси и становящейся России. А, в свою очередь, деятельностные схемы — проекция ментальных алгоритмов. Ментальные алгоритмы определяют саму способность человеческих общностей к экспансии, ее механизмы и специфику, характер межэтнических контактов, принципы социально-политической организации пространства, а в конечном счете — структуру власти и тип государственности.

Хотя прямо об этом не говорится, из текста вытекает, что “деятельностные схемы” или “репертуары” носят сверхустойчивый характер, являясь реализацией бессознательного, инстинктивного тяготения (с. 92, 231 и др.). Отсюда лишь один шаг до предположения о существовании этнических инстинктов восприятия и действия и их генетической детерминированности.

Головнев вплотную подходит к пониманию биологического импульса колонизации, но не решается заявить об этом открыто. Используя биологические параллели, он полагает их неподобающими для науки и пускает своеобразную “дымовую завесу”.

В отсутствие методологической ясности историософия Головнева приобретает спекулятивный характер. Широко используя новаторскую терминологию, автор уходит от научных дефиниций используемых понятий, ограничившись их описанием посредством конкретно-исторических примеров. Не всегда понятно, что именно описывается, а на каждый пример можно привести примеры противоположного свойства. Одна из ключевых категорий анализа — “ментальная карта” — в отсутствие определения выглядит метафорой или элементом украшения. Реконструируемые исследователем “деятельностные схемы”, “культурные сценарии” и “репертуары” представляют собой классические идеальные типы, т.е. рационалистические проекции метафизических образов и идей, и не поддаются верификации.

Перед читателем проходит калейдоскоп ярко выписанных антропологических портретов: кочевника с его “обостренным инстинктом власти” (с. 521) и “открытой” ментальной картой, располагающей к власти над пространством (с. 92); помора, определяющие характеристики самобытности которого — “мобильность, контактность и самодостаточность” (с. 423); новгородца, чей репертуар “состоит не в подчинении других, а в создании сети партнерств” (с. 192).

А вот масштабное обобщение, претендующее на едва ли не расшифровку “русского цивилизационного кода”:

Русские магистрали в разных вариациях вошли в деятельностные схемы всех русских и образовали ту сложную композицию, которую принято считать русским миром. Впрочем, в каждом русском эта триада выражена в своем неповторимом сочетании, и ситуативно один русский ведет себя как выразитель нордизма, другой как поборник ордизма, третий как дитя понтизма. Осознание этой “русской формулы” предполагает ее восприятие не как приговора судьбы, а как поля возможностей и выбора пути самореализации (с. 325–326).

Вопрос о том, какой эмпирической базой и/или социологическими данными верифицируются подобные обобщения, здесь является риторическим, поскольку эти “образы” принадлежат скорее метафизическому и романтическому, нежели собственно научному стилю мышления. Подчас в историософии Головнева интуитивный подход превалирует над рациональным и аналитическим.

Здесь уместна параллель со славянофильской реконструкцией русской истории. Славянофилы не столько узнавали и изучали Россию и русских, сколько занимались культурно-философским и идеологическим конструированием этих феноменов. Выражаясь в духе постмодернистской историографии, они “изобретали” автохтонную традицию или, их собственным слогом, “помысливали Россию”.

Отдавая должное интеллектуальной широте и дерзости замысла, яркости и оригинальности аргументации, бесподобному литературному слогу, следует признать, что авторская гипотеза феномена колонизации основывается на логически и методологически противоречивых предпосылках, что провоцирует скепсис в отношении выводов и обобщений. Вместе с тем труд А.В. Головнева демонстрирует блестящую перспективу, связанную с введением в исторический анализ антропологического измерения, причем не на вспомогательных ролях, а в качестве базового объяснительного принципа.

Book Review

Solovei, T.D. Review of *Fenomen kolonizatsii* [The Phenomenon of Colonization], by A.V. Golovnev. *Er-nograficheskoe obozrenie*, 2018, no. 5, pp. 201–204. <https://doi.org/10.31857/S086954150001485-3> ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Tatiana D. Solovei | <https://orcid.org/0000-0002-7453-297X> | tsolovei19@yandex.ru | Lomonosov Moscow State University (1 Leninskie Gory, GSP-1, Moscow, 119991, Russia)